

УДК 94(477):281.93(929)“1865-1927”

ПРОФЕССОР ПРОТОПРЕСВИТЕР ИОАНН ФИЛЕВСКИЙ (1865 – НЕ РАНЬШЕ 1927): БОГОСЛОВ, ЛИБЕРАЛ, ОБНОВЛЕНЕЦ

Д. Ю. МИХАЙЛИЧЕНКО

*Харьковский национальный
экономический университет*

e-mail: dm@hneu.edu.ua

И.И. Филевский (1865 – не ранее 1927) – священник, профессор Харьковского университета, известный дореволюционный богослов и публицист, активный участник диалога Церкви и творческой элиты российского модерна (Серебряного века) начала XX ст. В 1920-е гг. стал видным деятелем обновленчества на Украине. Его жизненный и творческий путь является интересным примером той идейной эволюции, которая происходила в части клира Русской Православной Церкви на рубеже XIX – XX ст., сближая её с леволиберальной интеллигенцией и подготавливая обновленческий раскол 1920-х гг.

Ключевые слова: обновленчество, Харьковский университет, Русская Православная Церковь, Серебряный век, Иоанн Филевский, священник, интеллигенция.

В конце XIX – в начале XX вв. на кафедрах богословия и истории Церкви историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета трудился целый ряд имевших духовный сан учёных и педагогов. В частности, это принадлежавшие к правому политическому направлению профессора протоиереи Т. Буткевич и Н. Стеллецкий, творческому наследию которых уже посвящены довольно многочисленные исследования.

Гораздо менее освещена деятельность их коллеги, в не меньшей степени известного в то время, но примыкавшего к либеральному политическому лагерю – протоиерея И. Филевского, впоследствии ставшего одним из лидеров обновленческого движения. Рассмотрение творческой биографии И. Филевского представляет безусловный интерес, поскольку является выражением той идейной эволюции, которую переживали в начале революционного столетия и интеллигенция и Церковь. Тем более, что имя И. Филевского, хотя и редко упоминается, но практически не рассматривается в российских и украинских исследованиях по истории обновленчества.

Подробности биографии Иоанна Иоанновича Филевского сравнительно хорошо известны. Родился он 30 июля 1865 г. в семье, принадлежавшей, по его собственному замечанию, «к довольно многочисленному роду, ведущему своё начало ко времени колонизации Слободской Украины выходцами из-за Днепра»¹. «К церкви привела меня мать, когда ещё до грамоты, маленьким мальчиком, водила меня к службе церковной. С тех пор и под этим впечатлением, а не по книжному богословствованию, я церковь люблю и чту» – напишет он позже в письме В.В. Розанову².

Получив начальное образование в земской народной школе, И. Филевский последовательно окончил Харьковское духовное училище, семинарию (с серебряной медалью), Киевскую духовную академию, неизменно будучи отмечаем среди лучших учащихся. В академии наибольшее внимание И. Филевского привлекали курсы истории иностранной и русской литературы (весьма политизированная в XIX ст. дисциплина) проф. Н.И. Петрова, а также еврейского языка с библейской археологией проф. А.А. Олесницкого.

Получив прекрасное богословское образование, дальнейший свой жизненный путь И. Филевский связывает с научно-педагогической деятельностью. В 1890-1891 гг. он преподавал общую гражданскую историю и арифметику в Киевском женском учи-

¹ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805-1905): Опыт истории / М.Г. Халанский, Д.И. Багалей. Харьков, 1908. С. 423 – 424.

² Розанов В.В. Младокатолическое движение // Новое Время. 1906. 27 августа. № 10939.

лице Духовного ведомства Императрицы Марии. В 1891-1896 гг. – будучи причислен к духовенству Успенского кафедрального собора был законоучителем 3-й Харьковской гимназии и женской гимназии Д.Д. Оболенской. В 1893 г. – получил место законоучителя новооткрытого Харьковского коммерческого училища Императора Александра III и настоятеля храма Нерукотворного Образа Господня при нём. В те годы ХКУ пользовалось репутацией наиболее престижного среднего учебного заведения города и выбор кандидатуры И. Филевского был очевидным знаком доверия молодому преподавателю со стороны сплошь состоявшего из предпринимательской элиты Харькова попечительного совета, а также директора училища авторитетного петербургского педагога И.А. Виноградова. В этой должности И. Филевский пребывал до революционных событий 1917 – 1920 гг. и проявил себя как учитель безусловно талантливый.

И. Филевский побуждал учащихся обращаться к тексту Библии, по собственному замечанию, стремился поставить их под непосредственное воздействие Слова Божьего. Чтение Писания должно было побудить учащихся «к усвоению церковно-библейских образов, понятий, словооборотов, самых чистых, самых прекрасных, что весьма важно для выработки православно-религиозного мирозерцания и нравственно-высокого настроения в воспитанниках»³. Неоднократно, о. Иоанном организовывались паломничества учащихся по святым местам. Например, в 1912 г. учащиеся в сопровождении законоучителя ездили на поклонение мощам свят. Иоасафа Белгородского в Белгороде, совершили поход в Куряжский монастырь и т.д.

Уже в своём начале, преподавательская деятельность И.И. Филевского удостоилась похвалы архиепископа Харьковского Амвросия (Ключарёва)⁴. В том же году о. Иоанн был избран духовенством епархии членом правления Харьковского духовного училища. С 1902 г. – вошёл в совет епархиального училища. Авторитетом педагога о. И. Филевский пользовался и далее; он пользуется любовью и уважением учащихся, – отмечалось в корреспонденции газеты «Южный край» в 1916 г.⁵

В харьковских газетах «Южный край», «Харьковские ведомости», «Мирный труд» в 1890-е – 1910-е гг. были опубликованы десятки принадлежавших перу И. Филевского статей, заметок, слов и проповедей, затрагивавших актуальные социальные проблемы – пьянство и проституцию, брак и нравственность. В годы русско-японской войны 1904-1905 гг. – тему патриотизма и любви к Отечеству. И. Филевский стал инициатором создания в Харькове религиозно-просветительного общества, написал проект его устава; выступил одним из организаторов духовно-нравственных чтений, и сам, с успехом, вёл их на товарной станции и в железнодорожных мастерских.

С не меньшей энергией молодой законоучитель выступил и как православный публицист.

Российское общество этого времени испытывало глубокие «подводные» изменения в интеллектуальной и духовной сферах. Разворачивался подготовительный акт будущей серии революций и социальных катаклизмов. По выражению петербургского профессора А. Бронзова, «обезумевшие «культурные дикари» устремились на попрание православной Христовой веры, на искоренение из народного сердца высокого патриотического духа, начал нравственности и законности»⁶. Всё большую популярность в среде интеллигенции, притом, как в её широких слоях, так и среди творче-

³ Краткий отчёт о состоянии учебно-воспитательной части в Харьковском коммерческом училище Императора Александра III за шестой год его существования, с 3 октября 1898 по 3 октября 1899 гг. Харьков, 1900. С. 10. – Также: «Люблю я, чтобы ученики мои имели особые тетрадки: сюда они заносят изречения святых отцов, особенно замечательные и прекрасно сказавшиеся, какие во время классного преподавания мне приходится случайно приводить им» – Розанов В.В. Младокатолическое движение // Новое Время. 1906. 27 августа. № 10939..

⁴ Краткий отчёт о состоянии учебно-воспитательной части в Харьковском коммерческом училище Императора Александра III за второй год его существования, с 3 октября 1894 по 3 октября 1895 гг. Харьков, 1896. С. 65-66.

⁵ К юбилею о.И.И.Филевского // Южный край. № 13142. 1916. 10 января.

⁶ Бронзов А. Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский // Церковный вестник. 1909. № 1. С. 7.

ской элиты Серебряного века, приобретали «модные» не православные вероучения самого разного рода, – от квази-протестантской секты толстовцев до откровенно языческих восточных культов. Буддизм, даосизм, доктрина Блаватской активно инфильтрировались в культуру и сознание общества. Православный священник в «прогрессивной» среде часто оказывался подлинным апологетом христианства и даже миссионером, должным проповедовать среди новоявленных язычников.

Эти тревожные тенденции и привлекли к себе пристальное внимание И. Филевского. «Все в нашей культуре стараются отыскать «творческие начала» нового религиозного просветления и новой нравственной энергии. Глашатаи и преобразователи культуры считаются пророками, изрекающими «вещие слова» из глубины общественной совести... Такова наша эпоха, увлечённая многомятежным и «злым духом культурного соревнования». Отсюда у нас пошли «целые полчища пророков», с «факелом новой культуры» в руках проповедующие «новое евангелие» и новое «исповедание веры». И нашу Церковь окружило со всех сторон «обширное море» анти-христианской культуры, бурно волнующееся вокруг её корабля...» – писал он в 1902 г.⁷

Нападки «неоязычников» начала XX ст. Церкви приходилось отражать по всему фронту. Это могло касаться вопросов влияния православия на традиционную культуру крестьянства, не столь-де красиво и поэтично воспевающую земледельческий труд как Ригведы⁸, или более фундаментальных тем роли христианства в становлении культуры и цивилизации, либо проблемы отношения веры и науки.

Одну из первых своих статей «По поводу литературных толков о графе Л.Н. Толстом» о И. Филевский опубликовал в 1892 г. В ней с православных апологетических позиций он полемизировал с имевшими широкий резонанс попытками уравнивать Христа с философами античности и рассматривать христианство лишь как одну из этико-философских конструкций древности⁹.

Участвуя в религиозно-философских собраниях в Санкт-Петербурге в 1901-1902 гг., выступая на страницах «Веры и Церкви», «Странника», «Миссионерского обозрения», «Южного края» и «Харьковских ведомостей», И. Филевский вступает в дискуссию с Розановым¹⁰, Меньшиковым, Мережковским, Минским и прочими видными публицистами начала столетия¹¹, даёт анализ новых «веяний» в российской культуре и искусстве. Раскрывает их подчас превратное понимание христианства, и православия в частности, как основу божественного «богоискательства» начала XX столетия. «Победить недоверие к культурному смыслу и значению христианства, мутную, хотя и широкою струёю слившееся в общественное сознание и жизнь «европейского человечества», часто по всем направлениям «рассыпающее клубящуюся

⁷ Филевский И. Христианская религия и культура: (2-е религиозно-философское письмо) // Миссионерское обозрение. 1902 г. Т.2. С. 555.

⁸ Филевский И. Наша земледельческая культура и Церковь // Вера и Церковь: Духовный, философско-апологетический журнал. 1901 г. Т.2. С. 505–512.

⁹ Филевский И. По поводу литературных толков о графе Л.Н.Толстом: Ответ на «Письмо неизвестного» Н. Страхова». Харьков, 1892. 29 с. (отдельный оттиск статьи в журнале «Вера и разум» за 1892 г.)

¹⁰ Филевский И. Пустословствования светского богослова: (По поводу статьи г. Розанова в №8987 «Нового времени»: «Тема нашего времени») // Странник: Духовный журнал. 1901 г. Т.2. С. 368 – 384. Столь категоричное название было дано статье редакцией без согласия автора, в оригинале – «Подменённая диалектически и текстуально страница веры».

¹¹ По крайней мере с одним из них – В.В. Розановым – И. Филевский был в переписке и дружеских отношениях. Розанов характеризует его как человека, «черносотенность» которого была смягчена «чрезвычайно деликатным, можно сказать, нежным отношением ко всем движениям живой истории, если только они были чистосердечны и не своекорыстны»; «Он ничего не умел ругать, ни о чем не мог кричать, но его мягкая речь всегда клонила к этой теме его книги: «Любите церковное предание; всмотритесь в него – и вы увидите, что его можно только любить»... Судя по письмам, очень длинным, лирико-черносотенным, он мне казался, и я до сих пор смотрю на него – как на первого в нашей духовной литературе лирического писателя по церковным вопросам или, точнее, философско-религиозно-церковным. Любовь его к христианам, к Христу, к духу «Матери-Церкви» (он всегда звал её – «Мать») трогала меня до глубины души». – Розанов В.В. Младокатолическое движение // Новое Время. 1906. 27 августа. № 10939.

пену бурного гнева», – это значит разрешить вопрос, от которого зависит жизнь и смерть религиозного сознания и судьба самой культуры» – отмечал И. Филевский¹².

Знаковой вехой публицистического наследия И. Филерского стали три «религиозно-философских письма», опубликованные им в 1902 г. в журнале «Миссионерское обозрение»: «О духе и плоти» – на статью Д.С.Мережковского в журнале «Мир искусства» за 1902 г. «Л. Толстой и Достоевский»: Христианская религия и культура» – на статью Н.Минского «Философские разговоры» в том же журнале; и, наконец, «Об отношении к жизни и смерти в язычестве и христианстве»¹³, – где давался обобщённый анализ фундаментальных различий между христианским и древне-языческим мирами, и указывалось на искусственность и опасность построения синтетических неоязыческих мировоззренческих представлений на основе превратного «перетолковывания» христианства.

На протяжении 1890-х – 1900-х гг. И. Филевский неоднократно возвращался к темам увлечённости интеллигенции буддизмом, развития декадентских настроений, пропаганды толстовства. Образ ложной народности босого «графа-землепашца», чьи воззрения служили источником вдохновения для всё новых и новых антихристианских выпадов людей искусства, привлек внимание публициста в связи с демонстрацией картины И. Репина «Иди за Мною, сатано», выставившейся на XXXII передвижной выставке в Харькове в 1904 году. И. Филевский постарался дать развёрнутый искусствоведческий и идейный анализ этого произведения. Картина Репина выступает здесь как одна из вариаций и продолжений антихристианского осмысления образа Спасителя в искусстве модерна. Образцом здесь служила картина немецкого художника Макса Клингера «Христос на Олимпе» (1897 г.), виденная И. Филевским в картинных галереях Вены. Раскрыв амбициозную, но достаточно поверхностную символику созданной Репиным композиции, автор отмечает, что Репин дает утрированный взгляд на идеалы христианского духовного аскетизма. Невольно приоткрывая свой «дуалистический, сектантский, манихейский» взгляд на природу женщины как символа и источника зла, Репин косвенно пытается противопоставить превосходство «аскетической простоты» Л.Н. Толстого над евангельской телесной нищетой. «Странная загадочность и загадочная бесцельность!.. – восклицает И. Филевский. – Картина эта интересна и даже значительна, но только с точки зрения особой психологии автора, а не со стороны достигнутых им положительных результатов»¹⁴.

Ещё одной сферой интересов о. И. Филевского эти годы стала церковная история. Притом, и в таком актуальном её приложении как церковная история родного края. К столетнему юбилею епархии в «Харьковских ведомостях» и «Церковных ведомостях» за 1899 г. были опубликованы очерки о. И. Филевского «Харьковские архипастыри», а также специально написанные исследования православного мировоззрения русских писателей, ряд биографических очерков, посвящённых жизненному пути лиц духовного звания и известных учёных. Перу И. Филевского принадлежат два очерка к открытию новых харьковских храмов: «Благовещенская церковь г. Харькова: Историческая записка с приложением 2-х фототипий» и «Церковь Святого и Нерукотворного Образа Христа Спасителя Харьковского коммерческого училища: Историческая записка с приложением повествования о Нерукотворном образе». В 1902 г. И. Филевский, уже как участник Харьковского историко-филологического общества, был членом комиссии по подготовке и проведению XII Археологического съезда в Харькове.

Первым крупным собственно богословским опытом И. Филевского была вышедшая в 1896 г. работа «Учение св. Викентия Лирийского: изложение и сравни-

¹² Филевский И. Христианская религия и культура. С. 549.

¹³ Филевский И. О духе и плоти: (Религиозно-философское письмо) // Миссионерское обозрение. 1902 г. Т.1. С. 1054 – 1063; Филевский И. Христианская религия и культура. С. 545 – 558; Филевский И. Об отношении к жизни и смерти в язычестве и христианстве: (3-е религиозно-философское письмо) // Миссионерское обозрение. 1902 г. Т.2. С. 737 – 754.

¹⁴ Филевский И. По поводу картины И.Е.Репина «Иди за Мною, сатано» на XXXII передвижной выставке. СПб., 1904. С. 13.

тельно-историческая оценка этого учения по *Commonitorium*'у», основные положения которой опубликовал журнал «Странник» в 1896 – 1897 гг.

28 октября 1902 г. И.И. Филевский в Киевской духовной академии в присутствии ректора епископа Платона защитил магистерскую диссертацию «Учение Православной Церкви о Священном Предании: апологетическое исследование»; оппонентами выступили профессора П.И. Линицкий, А.И. Булгаков и Ф.С. Орнатский. Опираясь на догматические предпосылки Православия, автор отстаивал авторитет Предания как самостоятельного канонического источника богословия и церковного нравоучения. Диссертация была опубликована отдельным изданием. Работа была удостоена почётного отзыва учебного комитета при Св. Синоде и одобрена митрополитом Антонием. Иерархи рекомендовали её для церковных и монастырских библиотек¹⁵. По сделанному в 1908 г. замечанию исследователя Священного Предания П.П. Пономарева, работа представляла собой единственный на то время русский труд, специально посвящённый данному предмету¹⁶.

Внимание богословов эта работа привлекает и сегодня. Разработка гносеологических норм религиозной веры и, на их базе, методологических основ для развития целостной системы богословских знаний о вере, долженствующих «как золотые нити быть вплетенными в один светозарный узор православно-вселенского религиозно-философского мировоззрения» – имела и актуальность, и глубокое значение. В частности, она была направлена на апологетическую защиту учения Церкви перед сектами, противостоящими православию с позиций протестантизма. «Вопрос о предании в антицерковном сектантстве – это тяжёлый “камень преткновения и камень соблазна”. Все ереси, так или иначе, отвергали догматический приоритет церковно-религиозного предания» – отмечал о.И. Филевский в речи перед защитой диссертации¹⁷.

Выбор И. Филевским тематики исследования вполне понятен. В конце XIX – начале XX ст. Харьковская губерния, как и Украина в целом, были местом активной экспансии «народных» протестантских сект. «Пашковщина, толстовство, штундизм – все эти секты одинаково сходны между собой в фанатичном отрицании православного предания и учения о нём. Не имея ясного понятия об этом учении, нельзя успешно защищать дело веры и Церкви перед еретиками и неверными людьми, обвиняющими нас, православных, в духовной слепоте и неведении истины своих упований, заподозривающих нас в извращении божественного Откровения и. однако же, для оправдания своих особых мнений о вере пользующихся тем же самым откровением»¹⁸.

Безусловный научный успех, широкое признание работ стали стимулом академической карьеры И. Филевского. Степень магистра богословия позволила ему в 1904 г. занять место приват-доцента на кафедре истории Церкви историко-филологического факультета Харьковского университета. По собственному признанию, к изучению церковной истории его подтолкнуло детальное ознакомление с первоисточниками религиозного сознания Церкви, «насколько оно раскрывается в памятниках святоотеческой литературы»¹⁹. Готовясь к началу академической деятельности, в 1903 г. о. Иоанн предпринял поездку в страны Европы, целью которой был Рим. Там он осмотрел и изучил памятники христианского искусства древности, пре-

¹⁵ К юбилею о. И.И. Филевского // Южный край. № 13142. 1916. 10 января.

¹⁶ Пономарев П.П. Священное Предание как источник христианского ведения: Учение о Священном Предании в древней, преимущественно восточной, Церкви. Казань, 1908. С. 12.

¹⁷ Филевский И. О значении вопроса о Предании в наше время: Речь перед защитой 28 октября 1902 г. в Киевской духовной академии магистерской диссертации на тему: «Учение православной Церкви о св. Предании. Апологетическое исследование» // Вера и Церковь. 1902. Т.2. С. 699, 705.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Отчёт о состоянии и деятельности Имп. Харьк. ун-та за 1904 г. // Записки Императорского Харьковского университета за 1905 г. Кн. 2. Харьков, 1906. С. 8; Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805 – 1905): Опыт истории / М.Г. Халанский, Д.И. Багалея. Харьков, 1908. С. 423 – 424.

жде всего знаменитые римские катакомбы. Серия статей об этом – «Римские впечатления» – были опубликованы в «Харьковских ведомостях» за 1903 г.

Осенний семестр 1904 – 1905 г. И. Филевский начал вступительной лекцией «Научные задачи истории русской церкви в трудах наших историков» из курса «Начальный и Киевский период истории русской церкви»²⁰. С 1907 г. И. Филевский вёл курс богословия, с 19 ноября 1908 г. – уже как избранный Советом университета профессор²¹.

В 1908 г. И. Филевский опубликовал ещё две короткие работы, посвящённые проблемам отношений интеллигенции и христианского вероучения: «Культ науки и христианская религия: (По поводу книги проф. И.И. Мечникова «Этюды о природе человека»)» и «Слово о союзе между верой и наукой»; последнее было произнесено в университетской церкви 17 января 1908 г.²² Указывая на ключевую роль Церкви в становлении европейской культуры и науки, И. Филевский высказывал свою убеждённость в том, что наука и культурный прогресс не противоречат догматам православного христианства. Наоборот, сама культура и наука дали и неминуемо дадут в будущем много прямо подкрепляющих истину веры положений. «...неотложная задача современного культурного обновления заключается в том, чтобы, благословивши культурный прогресс, суметь согласовать его идеи с христианскими, что при правильной постановке дела не представляет большой трудности...» – указывал автор ссылаясь на известную доктрину «двух великих книг истины одного Премудрого Автора – Библии и природы (науки)»²³.

Активная полемика с неоязычниками и идейное противостояние модернистской фронде, как оказалось, не свидетельствовали о правоконсервативных политических убеждениях самого И. Филевского. По крайней мере, об их стойкости. Можно предположить, что в начале века происходили постепенные изменения в его взглядах, сближавшие его с леволиберальной идеологией и постепенно вылившееся в несогласие с догматическими положениями русского православия. В наибольшей степени это проявилось в социально-политической области, где характерное для радикальной интеллигенции и лично И. Филевского стремление к активной «общественной» деятельности, демократии, общественной инициативе, переносилось на жизнь и устройство Церкви. Заметным становилось и влияние религиозно-философских собраний в Петербурге с их лидерами – Д.С. Мережковским, В.В. Розановым, и влияние Харьковского университета – оплота кадетской профессуры.

В годы первой русской революции И. Филевский стал издателем имевшей общероссийский резонанс «Церковной газеты» (выходила в феврале – июле 1906 г.). Свой взгляд на жизнь Церкви, а также на её место в обществе, он высказал в серии редакционных статей: «Идея патриаршества и задачи церкви», «Апология патриаршества», «Начало церковного обновления», «О задачах церковного обновления», «Задачи церковной реформы», «Свобода совести и свобода церкви», «Церковь и государство», «Свобода церкви и отделение церкви от государства», «Об отношении церкви к государству», «Духовенство и государственная политика», «Государственная Дума и свобода церкви», «Предсоборные настроения», «Церковная реформа и партии в духовенстве», «Соборное начало и патриаршество». Девизом газеты была названа «свобода церкви и её жизни, объединение всех во имя святых идеалов братства и равенства, завещанных миру Христом, забытых людьми». Задачей издания о.

²⁰ Некоторые лекции этого курса опубликованы отдельными оттисками: Филевский И. О церковных законах в Древне-Киевской Руси: К вопросу об источниках и основах Древне-Русского церковного права и управления. Харьков, 1905. 60 с.; Его же. Цельс и Ориген: Из лекций по Аполлогетическому богословию, читанных студентам в 1907 – 1908 и 1908 – 1909 гг. Харьков, 1910.

²¹ К юбилею о. И.И. Филевского // Южный край. № 13142. 1916. 10 января.

²² Филевский И. Культ науки и христианская религия: (По поводу книги проф. И.И. Мечникова «Этюды о природе человека») // Вера и Церковь. 1904 г. С. 310 – 316; Филевский И. О союзе между верой и наукой. Харьков, 1908.

²³ Церковная газета. № 24 – 25. 1906. С. 2.

Иоанн видел достижение «идейно-религиозного» примирения Церкви и «общества» ради достижения духовного обновления последнего, что содействовало бы его переустройству на началах соборности.

Идейная направленность работ И. Филевского этого периода видна из заголовков. Косвенно констатируя наличие раскола в общественном сознании, вину за его возникновение И. Филевский де факто возложил на государство и на Церковь.

Картина современности виделась И. Филевскому в мрачных тонах. Церковь серьёзно пострадала от своего закрепощения государством, от цезарепапизма и бюрократической опеки над ней. Церковь оторвана от народа и не выражает его религиозные идеалы и духовные потребности. Церковь не соответствует запросам современности. Вместо «соборности» и «духовного раскрепощения», в православии преобладает «монашеский колорит». «Монашеский бюрократизм всюду стремится к клерикализму и внешней власти. Отсюда у нас главным образом и разобщённость церкви с обществом, культуры с христианством, жизни с религией». Как следствие, в православии разработаны вопросы личного спасения, но совершенно не принимались во внимание вопросы «культурно-общественного творчества». И. Филевский увидел «классовую борьбу» между высшим чёрным духовенством и низшим духовенством белым. Именно «господство монахов» якобы привело к разделению на иерархов и мирян, отсутствию автономных приходов, фанатизму миссии и миссионеров.

Путь к идейно-религиозному примирению церкви и «прогрессивной общенности» лежал через проведение реформ на началах «соборности» во всех сферах жизни Церкви. В чём же заключалась эта альтернатива, и что подразумевалось под «церковным обновлением»? Решительно критикуя сторонников восстановления патриаршества в России, И. Филевский противопоставлял соборное начало «централизованному», бюрократическому, воплощением которого якобы является патриаршество. К проблеме восстановления патриаршества И. Филевский подходил с социологической точки зрения, усматривая в нём не более как исторически сформировавшийся и характерный для определённой эпохи социально-политический институт, сходный с монархией. Данный подход гармонировал с позитивистским социологизмом либерально настроенных историков Харьковского университета; да и фактически являл собою развёртывание кадетской идеологии освобождения общества в применении к Церкви.

Отсюда следовала идея соответствия устройства Церкви строю общества и государства. Грядущая гражданская свобода должна гармонически слиться с церковной соборностью. Церковное управление должно быть преобразовано «сверху донизу». Духовенство должно быть «раскрепощено»²⁴. «Идея патриаршества – указывал И. Филевский – устарела для нашего времени. При новом государственном строе, при организации народного представительства в государстве, эта идея является запоздалой, является анахронизмом... Государственная организация народного представительства потребует народного участия в церковном управлении, а это возможно только при полной организации соборного самоуправления, при организации соборной свободы... Собор должен быть средоточием высшего церковного управления, ему должен подчиняться и автономный синод, как центральный орган для постоянного управления церковного»²⁵. С этих позиций автор подвергал критике посвящённый проблеме восстановления патриаршества доклад архиепископа Антония (Храповицкого) на заседании Особого предсоборного присутствия 1 июня 1906 г.²⁶

Нетрудно заметить, что под именем «соборности» у о. И. Филевского скрывался парафраз идей народоправия, видимого в квази-хилиалистическом свете. «Сознательно или бессознательно, но интеллигенция живёт в атмосфере ожидания социального чуда, всеобщего катаклизма, в эсхатологическом настроении... Нет нужды

²⁴ Церковная газета. № 1. 1906. С. 1; № 3. 1906. С. 2; № 6. 1906. С. 1–2; № 7. 1906. С. 1.

²⁵ Церковная газета. № 20–21. 1906. С. 2.

²⁶ Филевский И. Апология патриаршества // Церковная газета. № 24–25. 1906. С. 4–5.

показывать, насколько эта атеистическая эсхатология отличается от христианской эсхатологии»²⁷, – это меткое замечание С.Н.Булгакова как нельзя лучше отражает данное настроение.

Действительно, современное ему историческое время виделось И. Филевскому временем переломным, эпохой, когда происходит преображение человечества. «Время наше полно глубоких интересов. Всё переоценивается, всё перестраивается. Искусство, философия, политика, государственная жизнь, религия, – всё объято одним мировым освободительным движением. Нужен отголосок, ответ, и мы готовы откликнуться на эту современность. В духе идейно-религиозного примирения. Современность оценивается, разрабатывается нами на почве евангельского или вселенского христианства, объединяющего все народы земли в братской любви». Своей задачей как пастыря, о. И. Филевский считал благословение культурного прогресса и согласование его идей с идеями христианскими²⁸. Но контекст работ о. И. Филевского говорит о том, что согласование это имело односторонний характер и привязывало христианское вероучение к политическим доктринам кадетского толка.

Вокруг «Церковной газеты» и И. Филевского сформировался кружок «прогрессивно настроенного» духовенства.

В октябре 1905 г. на съезде благочинных епархии И. Филевский горячо отстаивал интересы харьковских семинаристов, объявивших забастовку. о. Иоанн решительно высказался против репрессивных мер, предлагавшихся ректором. Попустительство повлекло за собой закономерные последствия: несколько воспитанников семинарии плеснули серной кислотой в своего инспектора.

В начале 1906 г. И. Филевский принял участие в ещё одном резонансном эпизоде, выступив, вместе с протоиереем П. Григоровичем и священниками Н. Вознесенским, В. Шаповаловым и В. Купленским с коллективным письмом «Голос священника о смертной казни и об убийстве как средстве политической борьбы», опубликованным в газете «Волна» 1 января 1906 г. Поводом для выступления в поддержку популярной идеи отмены смертной казни стала защита подростка, смертельно ранившего пристава 4-го полицейского участка Харькова В.Е. Колтуновского. О настроении подписантов говорит следующая фраза: «Нам одинаково жаль как убитого за свои убеждения революционера, так и солдата, убитого на своем посту и убежденного в том, что он свято выполняет свой долг». Более того, поскольку смертная казнь преступнику и не угрожала в силу его малолетства, письмо священников сложно рассматривать иначе как провокационную кампанию, направленную на очернение государства²⁹.

В 1906 г. И. Филевский, представлявший нарождающееся церковное «обновленчество» баллотировался на выборах в Государственный совет от духовенства Харьковской епархии, где конкурировал с депутатом от правых – профессором протоиереем Т.И. Буткевичем, который и был избран по итогам голосования³⁰.

В 1909 г. в информации МВД имя о. И. Филевского было упомянуто среди нелояльной профессуры, отличавшейся крайним левым

Иоанн Филевский, 1914 г.

²⁷ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции). // Вехи; Из глубины. М., 1991. С. 48.

²⁸ Церковная газета. № 1. 1906. С. 1; № 24 – 25. 1906. С. 2.

²⁹ Зуб Э. Милосердие – поповское слово // Вечерний Харьков. 2007. 8 октября.

³⁰ Харьковские губернские ведомости. 1906. 22 апреля.

направлением³¹. Интересно, что даже подобная оценка не помешала И. Филевскому сохранить занимаемое им положение в Церкви и обществе. Он сохранял за собой место в Харьковском коммерческом училище, пользовавшемся репутацией оплота право-консервативных сил, где «дети не могут быть развращены [в духовном и нравственном отношении] педагогами и где из них не могут быть приготовлены будущая «надежда страны», будущие «столпы» развала отечества»³². (Впрочем, правые настроения не мешали и протоиерею Н.С. Стеллецкому быть профессором Харьковского коммерческого института – оплота кадетской профессуры). В 1916 г. по благословению и под дакцией архиепископа Харьковского Антония (Храповицкого) был издан новый И.И. Филевским православный школьный катехизис.

Развитые в годы первой революции идеи И. Филевский продолжил отстаивать в 1917 г. В своей статье «Что раньше: Собор или Учредительное Собрание?» он вновь, и в ещё более последовательной форме, проводит курс «Церковной газеты». Требуется «демократизация Церкви», отстаивает принцип выборности духовенства, «соборности», критически отзываясь об институтах консистории и благочинных, высказывается за «раскрепощение духовенства», резко осуждает положение, при котором «монахи по-прежнему управляют церковью»³³. А для возрождавшегося института патриаршества использует модное определение «контрреволюции» в Церкви. И. Филевский решительно выступал против проведения Поместного Собора до созыва Учредительного Собрания, т.к. решения Собора могли не соответствовать выработанным этим политическим форумом принципам государственного строительства.

Статьи лета 1917 г. представляют о. И. Филевского как вполне сформировавшегося лидера обновленчества в Харьковской епархии. Среди высказанных им идей на этот раз привлекает внимание ясный автокефалистский мотив. В частности, он указывает на неприемлемость несоответствия границ митрополий государственным и этническим границам субъектов будущей Российской Федерации: «Наша Украина не признает этого деления: она, обеспечивая свои национальные права и государственное устройство, будет требовать церковной автокефалии и полной автономности». Епархиальное духовенство и миряне не прислушались к его призыву об избрании Харьковским архиепископом кого-либо из «прогрессивных», украинских по происхождению владык. «Видно, не так скоро русская церковь сбросит с себя ризы монашества и обмечется в светлый сан» – раздражённо замечал по этому поводу И. Филевский на страницах «Южного края». 8 августа 1917 г. И. Филевский не был пущен протоиереями И. Знаменским и А. Юшкевичем на хоры зала Епархиального училища, где состоялось собрание духовенства и мирян епархии по избранию делегатов на церковный собор³⁴.

Установление советской власти в Харькове, сопровождавшееся закрытием коммерческого училища, окончательной ликвидацией преподавания Закона Божьего, а, вскоре, и разгромом университета, не заставило И. Филевского отказаться от своих иллюзий относительно будущего. 6 (19) февраля 1920 г. датируется его рапорт в Харьковский Епархиальный совет, где он отказывался от предлагавшегося ему места в Рождества-Богородицкой церкви Харькова, объясняя этот шаг тяжёлым положением, в котором находился приход. Это место не соответствовало его «стремлению занять место священника в таких безприходных церквях г. Харькова, как Кладбищенская (Усекновенская) или при Кафедральном соборе, где церковные нужды обслуживаются большим количеством священнослужителей, и где я, держа свою седмицу или очередные дни, буду иметь большую возможность продолжать свою научно-педагогическую деятельность во славу церкви Христовой, которую я веду вот уже

³¹ Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років. / В.С. Бакіров, В.М. Духопельніков, Б.П. Зайцев та ін. Харків, 2004. С. 256.

³² В коммерческом училище: (обывательские заметки). // Харьковские ведомости. 1907. 23 августа.

³³ Филевский И. Что раньше: Собор или Учредительное Собрание? // Южный край. № 14122. 1917. 11 июля.

³⁴ Филевский И. Письмо в редакцию // Южный край. № 14176. 1917. 11 августа.

30 год в родном моём городе»³⁵. Такое место было ему Епархиальным советом в Иоанно-Усекновенской церкви предоставлено.

В начале 1920-х гг. И. Филевский принимал активное участие в обновленческом движении. Как член группы «Живая церковь» вместе с И.Ф. Орловым он организовывал «двадцатку» прихожан для передачи обновленцам Иоанно-Усекновенского храма³⁶.

В феврале 1920 г., уже будучи представленным как доктор богословия и протоиерей, он выступал докладчиком и почётным председателем Епархиального съезда духовенства и мирян. Съезда, принявшего решение просить советскую власть о высылке из Украины «уволненных на покой» иерархов, противящихся обновленчеству, – архиепископа Харьковского Нафанаила и епископа Старобельского Павла, – а также об увольнении ряда не принимавших обновленчества священников города.

Оглашённый И. Филевским доклад «Православная сущность и идеологическая ценность «Живой Церкви», автокефалия православия» стал выражением фундаментальных идей обновленческого движения в Украине начала 1920-х гг. Как и ранее, свои утверждения И. Филевский основывал на обличении ереси цезарепапизма – «противоестественного союза и подчинения церкви государству», ведшего к кризисным процессам в Русской Православной Церкви XVIII – нач. XX столетий. Старобрядчество и сектантство, спор западников и славянофилов трактовались им как развивающиеся на почве «никогда не прекращавшегося протеста против православной казённости... напряжённые искания живой церкви в русском православии». Организация «Живой Церкви» рассматривалась как своеобразный итог этих исканий – «земное православие нашего времени, в согласии с Символом Веры заключающее в себе все начала истинной церкви – единство, святость, соборность и апостольство».

Заигрывая уже с большевизмом, И. Филевский декларировал, что «Живая Церковь» «на основе евангельского слова и апостольской практики разрешает все так называемые «прикладные вопросы» как-то: отношение церкви к государству, признание справедливости социальной революции, борьба с капиталистическими формами общественной и экономической жизни».

Отдельное внимание уделялось вопросу «белого епископата», противостоящего «узурпации Верховной власти в церкви монахами-архиереями». Монашество, сохраняющееся как личный подвиг, подлежало «реформированию» в «православно-трудовые братства». Наконец, в докладе Филевского содержалось решительное требование автокефалии украинской и других православных национальных церквей, «во избежание раскола и политического шовинизма в ограде церковной, как это, к сожалению, случилось у нас на Украине». Съезд принял предложенную И. Филевским резолюцию о «белом епископате»³⁷.

Протопресвитер Украины профессор И. Филевский был избран в число почётных членов президиума состоявшегося 2 – 8 мая 1923 г. в Москве «Второго Поместного Всероссийского Собора» обновленцев. И. Филевский делал доклад об автокефалии Украинской церкви³⁸.

В своих размещавшихся в советской прессе публикациях 1920-х гг. И. Филевский полностью усваивает принятый в них язык, разоблачает «контр-революцию», «монархическую белогвардейщину» в Церкви и т.д.³⁹

На данный момент подробности дельнейшей биографии И.И. Филевского неизвестны. Согласно данным И.Л. Михайлина, последняя известная публикация И. Филевского датируется 1927 годом⁴⁰.

³⁵ Государственный архив Харьковской области (ГАХО) Ф. Р-230. Оп. 2. Д. 223. Л. 1.

³⁶ Матвиенко М. История Харьковской епархии (1850 – 1988): Научный очерк. Харьков, 1999. С. 45.

³⁷ ГАХО. Фф. Р-230. Оп. 1. Д. 1776. Лл. 27, 80 – 81.

³⁸ Матвиенко М. История Харьковской епархии (1850 – 1988): Научный очерк. Харьков, 1999. С. 87.

³⁹ Живая Церковь о раскаянии Тихона // Пролетарий (Харьков). 1923. 1 июля.

⁴⁰ Михайлин И.Л. Нарис історії журналістики Харківської губернії. 1812-1917. Харків, 2007. С. 232.

Жизненный путь И. Филевского являет собой яркий пример идейной эволюции той части клира Православной Церкви, которая на переломе веков последовала за радикальной частью российского общества. Мы видим, как участвуя, вначале с апологетических позиций, в диалоге с поддерживавшей лозунги «религиозного обновления» либеральной интеллигенцией, в революционное время он изменяет свою позицию. Особенно восприимчив И. Филевский оказывается к социально-политическим идеям русского левого либерализма кадетского толка. Специфическая эмоционально «приподнятая» революционная атмосфера, ожидание кардинальных позитивных изменений, «обновления», требовала в мировоззрении этого, безусловно, религиозного, человека, своего религиозного же выражения. Критически настроенный по отношению к прошлому социологизм кадетских профессоров-историков давал удобные инструменты для анализа истории Церкви и её рассмотрения как социального института и произвольного, в духе господствующих политических течений, обращения к «евангельским» принципам социальной организации. В конечном итоге, революционная экзальтация и гражданский активизм послужили предпосылкой политического действия, нашедшего выражение в обновленческом расколе 1920-х гг.

PROFESSOR PROTOPRESBYTER IOANN FILEVSKIY (1865 – NOT EARLIER THAN 1927): THEOLOGIAN, LIBERAL, RENOVATIONIST

D.Yu. MIKHAYLICHENKO

*Kharkiv National University
of Economics*

*e-mail:
dm@hneu.edu.ua*

Ioann Filevskiy (1865 – not earlier than 1927) was a Russian Orthodox priest, professor of Kharkov University, well-known theologian and a popular ecclesiastical writer, active participant of the dialog between the Church and the Russian modernist elite. Started as loyal religious teacher and conservative missionary, in modernist and leftist liberal environment he performed an ideological evolution becoming a regional leader of renovationist movement in Orthodox Church.

His biography just as his intellectual evolvement was a flamboyant example that demonstrated a development of Renovatism at the beginning of XX century in Ukraine and Russia and its main ideological, moral, social background.

Key words: Ioann Filevskiy, priest, Russian Orthodox Church, Renovatism, intelligentsia, Russian Modern, Kharkov University.

⁴¹ Отрицательный ответ относительно наличия информации об И. Филевском как о жертве политических репрессий был получен автором от Отраслевого государственного архива СБ Украины и Центрального архива ФСБ РФ.